

* А. Галин, «Восточная трибуна»; Коняев - В. Смехов, Мадлен — нар. арт. РСФСР Н. Дошина.

* Л. Петрушевская, «Квартира Коломбины» — «Анданте»: Ау — засл. арт. РСФСР, лауреат Гос. премии РСФСР Л. Ахеджанова.

СПОРЫ о русском театре в «Современнике» не только отступили, современник и достаточно полно выступал в утверждении высоких нравственных и эстетических идеалов, — начался давно и вряд ли кончится, — как «новая волна» в драматургии сменилась еще более новой. Авторы «Современника» заняли значительное место в репертуаре театра. Но все же наибольших успехов, наиболее яркого проявления своих творческих возможностей в «Современнике» добивается в постановках русской классики и в таких серьезных спектаклях, как «Вдова Каменчанин» Л. Фейхтелера и «Вулф» Б. Зейтца Виржини Вулф. Э. О. Лоби.

[illegible]

Этот спектакль, умный, ироничный, в котором точно выверены каждый жест, каждое движение души, представляет истинное наслаждение. И он же, — все познается в сравнении — покажется, сколь мелки и малоубедительны в своем воздействии на зрителя некоторые постановки театра по пьесам наших современных авторов. Не ощущается в них ни того «густого потока жизни», какой мы видим в «Вирджинии Вульф», ни попытки осмыслить и показать действительность во всей ее сложности и противоречиях.

Любопытный факт: «Восточная трибуна» А. Галинина «Близке» М. Рошина, вызвавшие в начале гастролей большой интерес у публики, потом стали «падать в цене». Почему это произошло? Ведь поставлены они профессионально, ничуть не хуже других спектаклей «Современника». Но сегод-

РЕЦЕНЗИЯ «СМ»

ЧЕТВЕРТЫЙ
ИЗМЕНЕНИЕ

ни, когда все вокруг стремительно преобразится и человек должен приспособиться к этому, когда и на щучу пробивается, и вот-вот пробьется новый герой, для которого главное — стремление к действию, а потому, очевидно, мало. Мало познать героев Галина и Родина, мало увидеть, какими они были вчера. Мало познать их существующих в трехмерном пространстве, где все уже известно и прожито зрителем. Нужно некое четвертое измерение, какое-то неожиданное специфическое качество, которое мало былось вчерашнему герою, которое придает зрительскую душу зрителя, возмужавшую, изнывшую, порождающую вольную энергию сопереживания, без которой спектакль долго жить не может.

До сих пор это четвертое измерение создавалось на театральном сцене за счет материальных палладов подмостков. Но зачем не шептаться о том, что сегодня уже сказано во всеуслышание? Правда, многие мы только начинаем осущаствлять Помощи нам в этом и должно искусство. Но в таком случае... А о чем, собственно, речь? — продукт зрительского восприятия. Когда горит, когда Галактика сам-то «Восточный трибуна», похотим бояться этого подтекста? Ведь он ограничивается внешним творчеством, действительности, ставя веру то что этот этап слепот, гипсовая масса запечатлел все а себе, как в зеркале. Только вот в чести тогда гласе со временем излучениями? Да, зеркала, но

[illegible]

ЕРТОЕ ЕНИЕ

[illegible]

способностей. Пришел на развалины стадиона человек безвольный, скорее обыватель, чем интеллигент, и застыл, как немой укор. Кому, чему? — этот вопрос оставим открытым, тем более что на фоне тех интересов, которые бурбуют герою спектакля, он мог и не возникнуть.

Нет, Коняев, как «герой нашего времени», в той трагикомею, какую предлагает В. Смехов, сегодня малоинтересен. Художественная ценность его творчества задана чужими именами: Хворостановскому, А. Покровской, Е. Миллюти, Л. Ахеджаковой, Н. Дорожиной и Е. Козельской уходит воссоздать на сцене атмосферу опустошенности, мещанства, а не бытия. Он был близок к друзьям. Их «приятельство» близко и предательству, их интерес друг к другу — не более, чем интереса к ушедшей жизни. Они не забыли ни слезы, ни вырвочки, ни плачи. Сакраментальную фразу Коняева, «Я ничего не могу для вас сделать, простите меня», мы бы не назвали «наверное» — вырвочкой из жизни. О престолоне, слагаемых сумми вряд ли измененных бы.

«Волнение» в постановке
«Волнение» по сути делится
на четыре акта. В первом акте
мы Рошин вроде не при-
частен к «новой волне», ма-
ло чем отличается от «Вос-
точной трибуны», но при
этом он не имеет при себе
ни одного своего писаного
и не натуре, только Рошин,
в отличие от Галина, стреми-
тся ее организовать, стараясь
быть в курсе ее дел, ее по-
литическую и заверенность. Ка-
мень, которым Алексей в
длительное платоническое
взаимоотношение с ней, ука-
зывает на то, что он не
крут замыкается. Разом-
кнувшись и замкнувшись круг,
ведь в конце, чем отличается
«Восточная трибуна» от
«Волнения» — Илья, не
стремления, чувства и стра-
сти при общем знаменателе
оказываются схожими. А ито-
гом — Алексей Л. Филатов

TOH

с той же непринужденностью мог бы сказать: просто меня, я ничем не могу помочь. Или не хочу, но это мое право. Или не имею ни денег, ни влияния ни помощи.

Да, и сознательно, именно эта деталь — «не могу» или «не хочу» — упущена из виду драматургами. А иначе она могла бы изменить весь тон пьесы, сделать «Вирликин Вуаль» Джорджа Бернарда Шоу иллюзией своего несуществования в жизни, а потому, и неинтересной. Он иначе не хотел. Ведь «не могу» — это только окружающие условия, тогда как «не хочу» — это внутреннее состояние, протест, попытка изменить эти самые условия существования. Тут-то и заложены скрытый потенциал пьесы, ее философская глубина и эстетическая красота. И если Г. Волгеч, М. Нелсова и А. Кахун смогли создать спектакль большой впечат-

Вопроса «быть или не быть», за которым в «Вирджинии Вулф» кроется прежде всего глубокое философское осмысление действительности, для А. Галина и М. Рождина как будто не существует. Они показывают лицевую сторону жизни, ограничиваясь условиями существования своих героев

забывая, что эти условия во многом формируются волей тех же самых героев. Поэтому «Восточная трибуна» и «Близнец», несмотря на все старания постановщиков, рядом с «Виржинией Вулф» выглядят всего лишь попыткой назвать вещи, не вникая в их суть и закономерности их взаимодействия. А коли так, сильному актеру, как это случилось в «Близнеце», нечего играть. Роль ему по колону.

Герцен писал: „...то, что не осмеливался сказать, существовало, и я, наконец, в „Восточной Звезде“ и „Восточном Визитере“ много недосказанного и недодуманного. Вместе правды там, лишь полуправды, — и это подтверждает мысль о безразличности полуправды в искусстве своим острот, беспощадным спеклем и „Наштра Кошмар“ — и, следовательно, для зрителя, привыкшего к действительности, посмелевшего разглядеть в искусстве непространство. Оказывается, для того, чтобы ввести в игру четвертое измерение, не надо нарушать законы природы, — надо лишь изменить параметры игры и, без соблюдения „допустимых“ параметров правды, без оговорок и ограничений, окупить зрительскую жажду зрелища, давая ему самую чистую, самую яркую, самую совершенную правду.“

Каждая миниатюра четырехлетнего спектакля словесно поднимает нас выше и сбрасывает в пустоту. Поднимает и сбрасывает опять, представляя самым выкаблучившимся на поверхности. Первые две миниатюры, «Побора» и «Дестиниальная клетка», обнаруживают нео-

[illegible][illegible]

Здесь есть о чем подумать. И театру, и зрителю. И есть о чем поспорить. Наверное, поэтому и продолжается спор о «Современнике». И будет продолжаться пока театр не найдет способа, возможности, не найдет материала, который позволил бы ему открыто и с предельной откровенностью говорить о своем отношении к этим героям и их образу жизни.

Г. ГАЙДИТ.

* См. «СМ» за 9 августа этого года.

* М. Рошин. «Влизнаец»: Галина — Е. Яковлева, Алексей — Л. Филатов.